

Жил-был старик со старухой. У старика, у старухи было две дочери. Старик однажды поехал на посад и купил там одной сестре рыбку и другой тоже рыбку. Старшая скушала свою рыбку, а младшая пошла на колодец и говорит:

— Матушка рыбка! Скушать ли тебя или нет?

— Не кушай меня, — говорит рыбка, — а пусти в воду; я тебе пригожусь.

Она спустила рыбку в колодец и пошла домой.

Старуха очень не любила своей младшей дочери. Она нарядила сестру ее в самое лучшее лопотье и пошла с ней в церковь к обедне, а младшей оставила две меры ржи и велела ей вышестать до прихода из церкви.

Девушка пошла за водой, сидит у колодца и плачет; рыбка выплыла наверх и спрашивает ее:

— Об чем ты, красная девица, плачешь?

— Как же не плакать мне? — отвечает ей красная девица. — Мати нарядила сестру мою в самое лучшее лопотье, ушла с ней к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить две меры ржи до прихода своего из церкви!

Рыбка говорит:

— Не плачь, ступай наряжайся да поезжай в церковь; будет рожь вычищена!

Она нарядилась, приехала к обедне. Мати не могла ее опознать.

Обедня зачала отходить, девушка уезжает домой; мати тоже приходит домой и спрашивает:

— Что ты, дура, вычистила ли рожь?

— Вычистила, — отвечает она.

— Что у обедни была за красавица! — говорит мати. — Поп не поет, не читает — все на ей глядит; а ты, дура, взгляни-ка на себя, в чем в эком ходишь!

— Хоть не была, да знаю! — говорит девица.

— Где тебе знать? — сказала ей мати.

На другой раз мати нарядила старшую дочь свою в самое лучшее лопотье, пошла с ей к обедне, а младшей оставила три меры жита и говорит:

— Покамест я молюсь богу, ты вышестай жито. Вот она и пошла к обедне, а дочь пошла по воду на

колодец; сидит у колодца и плачет.

Рыбка выплыла наверх и спрашивает:

— О чем, красна девица, плачешь?

— Как же не плакать, — отвечает ей красна девица, — матери нарядила сестру мою в самое лучшее лопотье, пошла с ней к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить три меры жита до прихода своего из церкви.

Рыбка говорит:

— Не плачь, ступай наряжайся да поезжай за ней в церковь; жито вычистится!

Она нарядилась, приехала в церковь, стала богу молиться. Поп не поет, не читает — все на нее глядит!

Обедня зачала отходить. Был в то время у обедни той стороны царевич; красна девица наша больно ему поглянулась; он захотел узнать: чья этакая? Взял да и бросил ей под башмак смолы. Башмак остался, а она уехала домой.

— Чей башмак, — говорит царевич, — ты замуж возьму! Башмак-от был весь вышит золотом. Вот и старуха пришла домой.

— Что там была за красавица! — говорит она. — Поп не поет, не читает — все на нее смотрит; а ты, дура, посмотри-ка на себя: что эка за оборванка!

А в те поры царевич по всем волостям искал девицы, что потеряла башмак; никак он не мог найти, чтоб башмачок был впору.

Он пришел к старухе и говорит:

— Покажи-ка ты свою девку, ладен ли будет башмак ей?

— Дочь моя замарает башмак, — отвечает старуха.

Пришла красна девица; царевич примерил ей башмак — башмак ей ладен. Он взял ее замуж; стали они жить да поживать да добра наживать.

Я там был, пиво пил, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синь кафтан, ворона летит да кричит:

— Синь кафтан! Синь кафтан!

Я думаю: “Скинь кафтан!” - взял да и скинул. Дали мне колпак, стали в шею толкать. Дали мне красные башмачки, ворона летит да кричит:

— Красные башмачки! Красные башмачки!

Я думаю: “Украл башмачки!” - взял да и бросил.

